

Этики соседской заботы о пожилых в российском селе: на пути к общинному менеджериализму¹

Елена Богданова

Доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Международного центра исследований общественного здоровья Сеченовского университета.
Адрес: Гагаринская ул., д. 6/1А, Санкт-Петербург, 191187, Российская Федерация
E-mail: bogdanova.nova@gmail.com

Константин Галкин

Старший научный сотрудник Социологического института РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
Адрес: ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Российская Федерация
E-mail: kgalkin1989@mail.ru

Алия Низамова

Научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник Международного центра исследований общественного здоровья Сеченовского университета.
Адрес: Гагаринская ул., д. 6/1А, Санкт-Петербург, 191187, Российская Федерация
E-mail: anizamova@eu.spb.ru

Оказание помощи пожилым людям, проживающим по соседству, является обычной практикой для российского села. В статье представлено исследование экспериментальной программы социальной помощи «Заботливый сосед», которая переформатирует соседскую помощь в формализованную оплачиваемую социальную услугу, оказываемую по договору. Таким образом соседская помощь превращается в элемент системы долговременного ухода. Теоретически статья опирается на концепцию этики заботы, предложенную Кэрол Гиллиган. Привносит ли новая социальная программа черты менеджериальной этики в отношения соседской заботы о пожилых в сельском сообществе — главный вопрос статьи. Исследование, реализованное в сельских поселениях Республики Карелия и Ленинградской области в 2020–2021 годах, включает изучение серии кейсов соседской заботы, осуществляемой неформально и в рамках программы «Заботливый сосед» (количество кейсов = 16), и 20 экспертных интервью. Главным результатом является вывод о том, что сегодня в селе формируется этика заботы о пожилых, которую можно определить как *общинный менеджериализм*. Общинные нормы продолжают доминировать, но забота начинает пониматься как управляемая, небезвозмездная и нуждающаяся в координации деятельность.

Ключевые слова: этики заботы, общинный менеджериализм, сельское сообщество, «Заботливый сосед», система долговременного ухода

Обеспечение заботой пожилых людей в современном обществе — сложная и нетривиальная задача, которая решается на уровне государственной социальной политики. Процессы старения и модернизации общества приводят к тому, что традиционные — в частности, фамилистские модели — перестают эффективно ре-

1. Авторы статьи выражают благодарность Благотворительному фонду Елены и Геннадия Тимченко за поддержку данного исследования (Договор пожертвования № 275-1/02) и за системный вклад в изучение и развитие местных сообществ.

Работа опубликована при поддержке Программы «Университетское партнерство».

шать проблему заботы о старшем поколении. Сложные вопросы: кто и как должен обеспечивать безопасное достойное старение — не имеют простых стандартных ответов. В большинстве стран ее решение видится в модернизации заботы соответственно трансформациям общества. Для обеспечения заботы и ухода за пожилыми людьми, которые в современном обществе все чаще проживают одиноко и все реже могут рассчитывать на помощь членов семьи, создаются системы долгосрочного ухода (СДУ). Как правило, такие системы предполагают, что обязанности по уходу распределены между множеством провайдеров, оказывающих разнообразные виды помощи пожилым, а их усилия координируются и контролируются особым ведомством. Проект СДУ в своем основании происходит из идеи справедливого распределения помощи всем нуждающимся и подчиняется в первую очередь менеджеральной этике, согласно которой забота понимается как услуга, доставленная своевременно и в соответствии с запросом (Botes, 2000; Meagher, Parton, 2004).

В России проект СДУ получил развитие с 2017 года по поручению Президента РФ от 23.08.2017 № Пр-1650. Особую проблему для внедрения системы представляет обеспечение заботы и ухода за пожилыми людьми, проживающими в сельской местности и ее периферийных поселениях. Проблема медико-социального обслуживания сельских жителей существовала всегда, однако в последние годы ресурсы медико-социальной инфраструктуры в сельских поселениях сокращались. Основной ресурс, который теоретически можно интегрировать сегодня в СДУ в сельских поселениях — это сами местные сообщества с существующими в них объектами инфраструктуры, жителями и системой социальных связей.

Социальная программа «Заботливый сосед» была впервые опробована Комитетом по социальной защите населения Ленинградской области в 2019 году². Появление программы стало, с одной стороны, закономерным шагом в создании СДУ, и с другой — ответом на кризис медико-социальной помощи для пожилых людей. Для получателей услуг определен ряд требований: старший возраст (от 55 лет для женщин и от 60 для мужчин), одинокое проживание, отсутствие медицинских противопоказаний, отсутствие получения других социальных услуг. Сам помощник — «заботливый сосед» — не может быть родственником или состоять в отношениях усыновления, должен проживать в одном населенном пункте с получателем на расстоянии не более 1000 метров и также не иметь медицинских противопоказаний. Обращения за помощью для граждан рассматриваются локальной организацией социального обслуживания на основании заявления и предоставления документов, при этом заявление могут подать сами граждане, их родственники и законные представители, или общественные организации (например, Совет ветеранов). Соответствие кандидатов критериям отслеживается на основа-

2. «Заботливый сосед». Комитет по социальной защите населения Ленинградской области. <https://social.lenobl.ru/ru/deiatelnost/napravleniya-raboty/socialnoe-obs/2-reestr-effektivnyh-regionalnyh-praktik-tehnologij-realizuemyh-v-leni/zabotlivyj-sosed/> (дата обращения: 25.10.2023).

нии предоставленных документов и выезда для обследования социально-бытовых условий проживания.

Срок заключения договора ограничивается финансовым годом: после этого он может продлеваться. Услуги предоставляются согласно индивидуальному графику, который определяет, в какие дни, в каком составе и объеме подопечный будет получать помощь. В целях контроля финансов и качества услуг помощник ежемесячно предоставляет отчет о проделанной работе и акт сдачи-приемки, подписанный получателем, в организацию социального обслуживания.

Изучению того, каким образом воспринимается и принимается новая программа соседской помощи жителями сельских поселений, было посвящено эмпирическое исследование, реализованное в 2020–2021 годах в Ленинградской области и сельских поселениях Республики Карелия (РК). Были выбраны случаи соседской помощи пожилым, оказываемые неформально (5 случаев в поселениях РК и 6 случаев в Ленобласти), а также случаи помощи, оказываемой в рамках социальной программы «Заботливый сосед» (5 в Ленобласти).

Вопрос, который интересовал нас в ходе исследования и который стал основным для этой статьи, сформулировать было несложно: *как менеджериальная этика интегрируется в жизнь села*. Сложнее было придумать схему анализа, способную привести нас к значимым выводам. Понятие менеджериальной этики заботы заимствовано из западной социальной теории. В рамках нашего исследования это скорее условное обозначение некоего нововведения в жизни сельских сообществ, связанное с формализацией практики помощи пожилым соседям. Главным критерием, который позволил нам определить случаи помощи как формализованные, стало участие помогающих в программе «Заботливый сосед», притом что внешне эта помощь могла никак не отличаться от помощи, оказываемой неформально.

Изначально у нас не было четкого представления о том, как может выглядеть формализованная соседская забота о пожилых. В то же время то, почему и как сельские жители неформально помогают своим пожилым соседям в современных селах, также не имело сколько-нибудь удовлетворительного объяснения. Что делает помощь пожилым жителям сел со стороны соседей обычной практикой и как именно регулируются объем и порядок оказания помощи — вопросы, на которые в ходе исследования нам так же пришлось искать ответы. Наше исследование вряд ли правильно воспринимать как описание однозначной схемы: «было — стало». В наших силах лишь попытаться зафиксировать изменения, происходящие в сфере помощи пожилым людям в условиях современного села, и соотнести их с традиционно существующими порядками и с вновь приходящими в село тенденциями — в том числе вместе с переформатированием медико-социальной помощи нуждающимся категориям граждан в логике СДУ. С теоретической точки зрения исследование позволяет сделать вклад в понимание того, какие этики заботы определяют сегодня заботу о пожилых в сельских сообществах.

Теоретические комментарии

Забота в местных сообществах

Благодаря феминистской теории опыт заботы о другом осмыслен как универсальный и неотъемлемый в человеческой жизни (Gilligan, 1982). Каждый получает опыт заботы в младенчестве и детстве. Без этого вряд ли кто-то способен выжить. Получая заботу, мы усваиваем ценности и моральные правила заботы (Votes, 2000: 1071-1075). Вирджиния Хельд приходит к схожему выводу, размышляя, что является источником знаний о том, как правильно заботиться о других (Held, 2006). По ее мнению, доктрины и конвенциональные системы знаний, бытующие в сообществе, не играют определяющей роли. Гораздо важнее эмпирические переживания заботы. Знания о том, как и о ком правильно заботиться, развиваются на основе опыта, размышлений над ним и дискурсов, затрагивающих представления о заботе как основной и наиболее универсальной ценности.

Такое понимание «усвоенных» правил заботы глубоко контекстуально. Оно полностью зависит от социального контекста, в котором индивид получает опыт заботы и, соответственно, научается заботиться о других. В то же время оно отсылает к персональному опыту и реализуется на межличностном уровне. Это общее разделенное знание. Вероятно, именно такое знание подразумевал Фердинанд Тённис (Toennies, [1887], 2017), когда в конце XIX века создавал свою концепцию сообщества/общины (*Gemeinschaft*) как формы домодерного социального образования, характеризующегося сплоченностью, взаимопомощью, чувством принадлежности, а также персонализированными социальными связями родства и соседства, ролями и ценностями, основанными на таких особых отношениях.

Более уверенно можно говорить о том, что позитивная репутация сообщества как пристанища, дающего чувства безопасности и принадлежности, способствовала тому, что в 1960-х понятие заботы проникло в сферу социальной политики (*policy*) как знак добровольного объединения и предпосылка возникновения важных и ценных — всегда позитивных — результатов сосуществования индивидов в одном пространстве (Blackshaw, 2014). Потенциал сообщества был воспринят как ресурс, имеющий широкое практическое применение, и это привело к важным последствиям для развития понимания и исследования соседств. Соседства были осознаны как социальные системы, на которые можно воздействовать извне с целью управления и достижения определенных социальных эффектов. Это дало импульс развитию программ социальной политики — таких как «забота сообществ» (*community care*), «здоровье сообществ» (*community health*), призванных активизировать ресурсы сообщества и разгрузить системы социального обеспечения. На стыке 1959–1960 годов, когда Ричард Титмус обосновывал социальную полезность заботы сообществ, он апеллировал к сохраняющемуся ресурсу сообществ, который был способен производить адресную, персонализированную

заботу, и противопоставлял ее заботе институциональной (Titmuss, 1968: 221-225; Titmuss, 1959: 11).

Арли Хохшилд (Hochschild, 1995) называет персонализированную, гибкую, контекстуализированную заботу «теплой», эмоционально вовлеченной. Этика заботы присуща устойчивым сообществам. Между тем у такой заботы есть свои особенности: она не гарантирована, и ее сложно контролировать. В тот момент, когда забота, осуществляемая внутри сообществ, начинает рассматриваться как часть системы долговременного ухода, эти особенности начинают расцениваться как недостатки (Votes, 2000).

По мере того, как СДУ проникает в сообщества, забота начинает профессионализироваться и превращаться в подконтрольную услугу. Утрачивается при этом наиболее важный ресурс персонализированной заботы, который СДУ изначально воспринимает как привлекательный (Meagher, Parton, 2004). Сосуществование этики заботы и менеджериальной этики, таким образом, обнаруживает конфликт, изучение которого открывает пространство для понимания трансформации возможностей и потребностей общества в социальной защите.

Несостоявшаяся индивидуализация и черты общины в российском селе

Канадская активистка Накита Валерио рассматривает заботу сообществ в условиях модернизированных индивидуализированных обществ. В своих исследованиях она транслирует довольно типичное для западных ученых мнение о том, что ресурс сообщества — тот, что дает чувство принадлежности и защищенности — утрачен. Она противопоставляет заботу сообществ индивидуалистической заботе о себе и призывает к развитию коллективистских практик и форм сочувствия (*compassion: community care*). В случае заботы сообщества бремя и ответственность ложатся не на отдельного самодостаточного индивида, а на сообщества, к которым он принадлежит. Таким образом, забота сообществ представляется как долгосрочный коммунитарный солидаристский проект. При такой трактовке акторы, участвующие в заботе сообщества, описываются как «люди, которые используют свои возможности, чтобы помочь друг другу разными способами» (Dockray, 2019). Устойчивость такой заботы обеспечивается межпоколенческой реципрокностью. Члены сообщества знают, что когда им, в свою очередь, понадобится помощь от более молодых поколений, они ее получат.

В российское село проект СДУ приходит на фоне хронического институционального дефицита и оттока молодого населения в город — тенденции, которая устойчиво проявляется на протяжении многих десятилетий (Нефедова, Мкртчян, 2017). Медико-социальная инфраструктура сельских поселений никогда не была достаточно развита и всегда нуждалась в компенсации со стороны близлежащих городов и местных жителей. В советский и постсоветский периоды несколько раз предпринимались попытки модернизации социальной инфраструктуры села, но ни одна из них не была полностью успешной. Недавний проект оптимизации

медицины привел к сокращению пунктов медицинской помощи, работающих в сельских поселениях.

Исследования сельских регионов России показывают, что между осложненным доступом к ресурсам инфраструктуры и сплоченностью сообщества существует связь. Артемий Позаненко в своей статье настаивает на том, что изоляция сельских поселений способствует сохранению у сельских сообществ черт общины. При этом «общинные отношения гарантируют высокий уровень взаимопомощи и самоорганизации, которые позволяют эффективно решать проблемы» (Позаненко, 2018: 49).

Вопросы взаимной поддержки, эффективного решения проблем и реципрокности рассматриваются и в попытках исследовать сельские сообщества как системы неформальных сетей (Виноградский, 1999; Фадеева, 2007; Шанин, 1999; Штейнберг, 2002, 2004). Модель реципрокности в контексте российского общества имеет глубокие корни. Она изначально выступала компенсаторным механизмом, который сглаживал и режимы полного контроля плановой экономики, и ситуации развития «дикого» рынка при отсутствии контроля рыночных отношений. Именно сети реципрокности обеспечивали выживание многим российским семьям и сообществам в период стремительных переходов из одной экономической модели в другую.

Безусловно, в городе и селе различаются модели реципрокности и скорость перехода к рыночным отношениям. Как показывают исследования, в сельской местности такая скорость ниже, чем в крупных городах и мегаполисах (Барсукова, 2004, 2005). Важным здесь оказывается тот факт, что реципрокность невозможна без готовности вступить в социальные отношения с человеком. Одним из важных условий реципрокности выступает существование социальных отношений между людьми, постоянных взаимодействий и наличия сетей, которые могут быть довольно плотными, в частности, принимая во внимание компактное проживание (Luhmann, 2000; Бредникова, 2012; Богданова, 2017).

Важнейшим условием для реализации правил реципрокности является устойчивость сообщества, наличие внутри него интенсивных долгосрочных межличностных связей. Реципрокность в устойчивом сообществе означает не только разовый эквивалентный, но и возможность неэквивалентных отсроченных обменов. Дмитрий Верховцев (2015) в своем исследовании обменов скоропортящимися продуктами в сельском сообществе обращает внимание на способность истории обменов накапливаться во времени сродни кредитной истории. Так, поделившийся однажды мясом забитого скота с соседом может рассчитывать на то, что сосед сделает то же самое, когда у того появится излишек мяса или другой скоропортящейся продукции.

Гораздо слабее изучена система обменов нематериальными благами: разного рода услугами, помощью, заботой. Представляется, что принципы обмена здесь могут быть схожими, однако всех вопросов это не решает. Учитывая невещественность предмета обмена, возникают вопросы о том, как они распознаются членами сообщества, как накапливается история подобных обменов, можно ли говорить

об эквивалентностях? Для понимания проблемы важными условиями являются ценности многопоколенной репутации семьи, соблюдение возрастных иерархий и особое отношение к старшим, сохранение черт традиционного сообщества, сохраняющего персонализированные связи между всеми жителями села (Позаненко, 2018: 45, 50).

Таким образом, в силу историко-социальных причин в российском селе сохраняется ресурс сообщества/общины. На фоне кризиса фамилистских форм заботы о пожилых в таком сообществе особое значение начинают приобретать внесемейные или квазисемейные социальные связи между дальними родственниками, свойственниками, друзьями, соседями, односельчанами. В подобных сообществах возможно производство «теплой», контекстуализированной заботы о пожилых. Однако для этого необходимо соблюдение ряда условий, среди которых устойчивость самих сообществ, в которых возможно поддержание долгосрочных межпоколенческих межличностных социальных связей, способствующих сохранению практик общинной, в том числе межпоколенческой реципрокности.

География и методы полевого исследования

Для проведения исследования было выбрано два сельских поселения в Пряжинском районе Республики Карелия и по два сельских поселения в двух районах Ленинградской области: Тосненском и Гатчинском. При подборе поселений соблюдались следующие параметры:

1. Удаленность от областного центра не менее 100 км.
2. Наличие в населенном пункте, выполняющем функцию административного центра сельского поселения, постоянно проживающего населения численностью не менее 300 человек. Этот принцип учитывался для того, чтобы избежать попадания в «дачные» поселения, заполняющиеся временными жителями в летний сезон и пустующими большую часть года.
3. Наличие постоянно проживающих пожилых людей, нуждающихся в помощи.

В исследовании основное внимание было обращено на индивидов, переживающих проблемы с самообслуживанием, и помогающих им решить эти проблемы и удовлетворить их потребности. Факторы структурных обстоятельств и социальных контекстов учитывались как значимые, но второстепенные. Такой подход соответствует современному пониманию сообщества, обращаясь к своему члену в первую очередь как к индивиду.

Были предприняты две полевые экспедиции: в Республику Карелия и в Ленинградскую область. Для проведения полуструктурированных интервью были разработаны опросники:

1. *с экспертами*: руководителями Центров социального обслуживания (ЦСО), социальными работниками, сотрудниками медпунктов, работающими в сельских поселениях;

2. с экспертным активом сельских поселений: главами поселений, председателями советов ветеранов, старостами, библиотекарями, сотрудниками культурно-массовых учреждений, главами религиозных общин и пр.;
3. с жителями, оказывающими регулярную помощь своим пожилым соседям;
4. с пожилыми жителями, получающими регулярную помощь от своих соседей;
5. с участниками программы «Заботливый сосед» (только для исследования в Ленобласти).

В результате полевой работы было собрано 18 интервью в поселениях Республики Карелия (5 кейсов добровольного соседского ухода и 9 экспертных интервью) и 30 — в Ленобласти (6 кейсов добровольного соседского ухода, 5 кейсов ухода по программе «Заботливый сосед» и 11 экспертных интервью). Небольшие отступления от запланированного дизайна полевого исследования связаны с затрудненным доступом в поле, ограничениями из-за пандемии коронавирусной инфекции, а также с нестабильным самочувствием пожилых информантов.

В ходе полевых поездок исследователи проживали в изучаемых поселениях, что дало возможность проводить этнографические наблюдения. Ситуации взаимодействий, диалогов с местными жителями, событий в местных администрациях подробно фиксировались в дневниках наблюдений.

В качестве дополнительного метода использовался анализ документов, представляющих различные стороны функционирования социальной технологии «Заботливый сосед», действующей в Ленобласти³.

Общинная этика заботы в действии

Забота о пожилых играет значимую роль в жизни сельских сообществ. Если быть точными, то речь идет не о сообществе как группе людей, проживающих в одном поселении, а о тех эффектах, которые вырабатываются за счет многочисленных социальных связей и долговременного устойчивого проживания их в одной локальности.

В данном контексте следует говорить о помощи пожилым людям и о сообществе, которое объединяет в себе различных акторов заботы о пожилых. Понимаемая таким образом сельская община включает в себя не только непосредственно проживающих в пределах территории сельского поселения, но и всех, кто регулярно посещает поселение и хорошо известен местным, а также жителей соседних сельских поселений. Проще говоря, это круг людей, в котором «все всех знают». Мы назвали заботу, проявляемую внутри такого сельского сообщества без какого-

3. В качестве источников использовались Приказ Комитета по социальной защите населения Ленобласти о порядке оказания социальных услуг по технологии «Заботливый сосед» от 14.04.2017 (https://social.lenobl.ru/media/old_data/docs/social/1492160553prikaz_6.pdf), а также подборка публикаций в СМИ, освещающих работу технологии, доступных и на сайте Комитета: (<https://social.lenobl.ru/search/?text=%D0%B7%D0%Bo%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%B4&web=o&searchid=2330676>).

либо внешнего вмешательства, «общинной». Осознавая все сложности, связанные с применением этого понятия для характеристики современных российских сельских сообществ, мы используем его для того, чтобы подчеркнуть характер социальных связей, сохраняющих внутренний ресурс заботы.

Такое понимание сообщества включает в себя социальных работников или медиков, которые могут не проживать в селе, но регулярно его посещать, а также разнообразные административные и общественные образования, которые вовлекаются в заботу. Общинная этика заботы реализуется на нескольких уровнях. Один функционирует благодаря локальной инфраструктуре села, представленной местной администрацией, медпунктами, старостами, советами ветеранов, руководством и сотрудниками школ, детских садов, почтовых отделений, магазинов. Здесь важны и люди, персонализирующие инфраструктурные объекты, и собственно материальная база: помещения, автотранспорт, оборудование. Второй уровень, на котором реализуется общинная этика заботы о пожилых, представлен помощью соседей, проживающих в непосредственной близости к пожилым людям.

Распределенная забота в сообществе

Школы, детские сады, дома культуры, библиотеки, магазины, клубы, советы ветеранов, советы инвалидов — стандартные локальные инфраструктурные ресурсы сел, доставшиеся в наследство от советской системы. Изначально не все они имели отношение к оказанию какой-либо помощи пожилым. Однако сегодня села испытывают острый дефицит социальной инфраструктуры. Состав населения сел изменяется, доля пожилых растет, в то время как количество детей и молодых людей уменьшается. Имеющиеся инфраструктурные объекты приспособляются для актуальных нужд сообществ, в том числе для оказания помощи и заботы о пожилых. Так школа может предоставлять помещение для регулярных посиделок односельчан с вовлечением пожилых людей. Детские сады и библиотеки могут вовлекаться в подготовку тематических сельских мероприятий и праздников.

Важнейшим координатором заботы в сельских поселениях являются местные администрации, чья роль в реализации общинной этики заботы напоминает роль штаба или центра. Именно в местные, сельские администрации поступают заявки о необходимости помочь пожилым людям, также через местные администрации проходит поток информации для пожилых людей:

Ну позицию я по помощи пожилым занимаю с того момента, как начал работать главой администрации, т. е. сразу. Начал работать главой администрации, сразу звонки пожилых людей, и у каждого какая-то проблема. У кого-то там проблемы с получением лекарств, у кого-то с покупкой этих лекарств, у кого-то продукты заканчиваются, автолавка не приехала. Вот такие проблемы. У кого-то проблемы именно социального плана, требуется госпитализация. Бывало, ситуация такая, что вот брошенный человек, оди-

нокий, как говорится, осталось жить совсем недолго, в больницу не берут, туда не берут. Куда ему деваться, где умирать, брошенному? Вот приходилось включать чисто личные знакомства, личный такой ресурс, что с главврачом больницы общались там, это чтобы человека просто забирали, допустим, в больницу, оттуда уже там, по социальной, в какой-то паллиативный центр, хоспис или куда-то (Глава сельского поселения_Поселение_1_ТЛО).

Главы администраций, как правило, хорошо знакомы с ситуацией и с теми жителями села, кому необходима помощь. Номер телефона администрации или главы известен всем жителям поселения. В администрацию могут обращаться жители для того, чтобы получить помощь по уходу. Администрации поселений могут брать на себя задачи по координации между различными агентами помощи пожилым людям: соседями, членами совета ветеранов, старостами отдаленных поселений. Эти же акторы чаще всего поставляют в администрацию сведения о пожилых людях, нуждающихся в уходе. Администрации аккумулируют информацию о возможностях передачи с почтовыми машинами или школьными автобусами лекарств, продуктов, подарков или других вещей для пожилых людей, проживающих в отдаленных поселениях. Через администрации также могут решаться такие вопросы, как поиск автотранспорта для транспортировки пожилого человека в стационар на лечение, либо устройство в пансионат для длительного пребывания. В ходе исследования нам довелось наблюдать ситуацию, когда сельская администрация помогла разыскать одну из местных пожилых жительниц ее давней подруге. В эту же администрацию в один из дней нашего пребывания в селе заезжала глава района. За чаем происходил обмен важной информацией о проблемах поселения и о возможностях получения финансовой поддержки из районного бюджета.

Функции, которые берет на себя администрация, обусловлены отчасти дефицитами централизованной заботы в сельских поселениях. Местные администрации отслеживают пожилых жителей, нуждающихся в уходе, направляют ресурсы, доступные в селе, на оказание помощи. Если социальный работник не проживает в селе, сотрудники администрации могут присматривать за подопечными, «подстраховывать» в экстренных ситуациях. В случаях посещения села внешними помощниками — такими как инициативные группы, волонтерские отряды — координация их усилий также осуществляется через местную администрацию:

Волонтеры у нас были петрозаводские, но со всех университетов <...> Развез всех по дедушкам, бабушкам, чтобы они там им дрова, тропинки, вот это все сделали, когда снегопад большой был (Глава сельского поселения_Поселение_2_ПК).

Во всех поселениях, где проводилось исследование, существует совет ветеранов. Обычно это небольшая организация, состоящая из трех-пяти местных жителей. Данные о днях рождения, юбилеях, заслугах, заболеваниях и состоянии здоровья пожилых людей во всех селах, входящих в состав сельского поселения, — это

информация, которой располагает совет ветеранов. В его функции входят учет пенсионеров и ветеранов, помощь пожилым людям, оказавшимся в сложной ситуации, поздравления с днями рождения и другими праздниками, а также организация досуга. Помощь оказывается несистематично, ситуативно, по запросу со стороны пожилых жителей:

Жена у него тяжело болела. Мы с ней ходили на прогулки. [Одна из участниц Совета] даже с ней какую-то физкультуру делала. Я-то пару раз ей просто массаж делала и все, до стопы. <...> То им что-нибудь в аптеке, соцработник везде в магазины, а если там надо что-то такое экстренное — бывало. Уборку мы не делали, соцработник делал. Если что-то там они попросят сами, что «сделайте нам, кроме соцработника», вот это мы делали (Председатель совета ветеранов_Поселение_2_ПК).

В ходе исследования мы имели возможность убедиться, что потребность в «объединяющем» помещении существует всегда, если его нет, для коллективных мероприятий может использоваться дом или двор сельского старосты. Столько же необходимой, как пространство, является и функция координации заботы. В тех случаях, когда в поселениях отсутствует администрация или целевые ассоциации, координацию могут брать на себя отделение почты или, например, местный магазин.

Магазин в поселении встроено в систему общинной этики заботы с точки зрения возможности предоставить пожилым людям при необходимости продукты, помочь с их доставкой. Информантка-продавец описывала неоднократные случаи, когда посетители магазина приходили за продуктами для пожилых, которые, например, в связи с разными обстоятельствами испытывали сложности с передвижением. Через магазин может организовываться доставка продуктов пожилым не только в данном селе, но и в отдаленных. Для помощи привлекаются жители села:

Ну бывает, например, человек себя плохо чувствует, например, вот сегодня он не может. Те, которые совсем не могут и не ходят, у нас они есть, но к ним приезжают родственники регулярно. Бывает ситуация, кто-то не приехал, кто-то не может сегодня прийти, давление поднялось, еще что-то. Значит, просто звонок: «Мне нужно, вот это-это-это». — «Хорошо! Или придут ваши соседи, или кто-то из нас, мы кого-то пошлем. Может, дети со школы придут, попросим вас отнести. С деньгами мы разберемся позже. Ничего страшного, это вообще второстепенно». То есть самое главное, отнести человеку еду (Продавец в местном магазине_Поселение_1/2_ТЛО).

Подобная помощь обычно оказывается безвозмездно или за «минимальную плату»:

Это безвозмездно. Нет, ну бывает, допустим, вот бабулька там, попросишь школьника отнести. Т.е. если она даст ему что-то. Может быть, она даст ему печенье с этого же пакета, что она заказала. Может быть, она закажет шоколадку, может быть, она даст ему 50 рублей. Но это зависит от нее, хочет она дать, она даст. Не хочет, нет возможности, значит — «спасибо,

до свидания!». Никаких расчетов, такс — нет, конечно. Однозначно нет (Продавец в местном магазине_Поселение_1/2_ТЛО).

Еще одна важная роль продавца магазина связана с решением проблем, которые могут возникнуть у пожилых людей в селе. Продавцы могут помогать дозвониться до скорой помощи, заказать машину дров или узнать, когда из магазина доставят стройматериалы, передать просьбу представителям местной администрации. В магазине можно увидеть коробку сбора пожертвований на храм или на похороны односельчанина:

Мы просто, допустим, положим бумажку, например. И вот... «Можете? Если не можете — не надо». Не хватает денег совсем опять, вот мы к главе администрации: «Пожалуйста, посодействуйте. Вот этого человека не на что вообще хоронить». Бесплатно захоронят за счет... [местного бюджета] (Продавец в местном магазине_Поселение_1/2_ТЛО).

Истощение локальной инфраструктуры сел сегодня вписывается в общую тенденцию нарастания институциональных дефицитов. Нередко бывшие здания школ или клубов сносили, либо они продавались коммерсантам. Это, в свою очередь, создавало сложности с консолидацией сельских общин, с реализацией общинной этики заботы о пожилых людях. Между тем на этом фоне особенно важным становится значение неформальных сетей и ресурсов сообщества ввиду способности местного сообщества отслеживать проблемы пожилых. В тех случаях, когда сообщество сохраняется, о проблемах пожилых (и не только) людей, нуждающихся в помощи, осведомлены и представители местной администрации, и члены совета ветеранов, и большинство местных жителей. В среде разреженной сельской событийности информация распространяется по неформальным каналам очень быстро. Местные старосты, главы администраций или просто активные жители координируют оказание помощи сами, либо привлекая к заботе о пожилых других сельчан. В организации такой «коллективной» заботы преобладает общинная этика, ориентированная на моральные порядки сосуществования членов сообщества. Среди них по-прежнему важное место занимают правила реципрокности и ценности многолетней, многопоколенной принадлежности к сообществу. Сама по себе повседневная коммуникация и деятельность, происходящая в сельских сообществах по поводу помощи нуждающимся, поддерживает социальные связи и способствует консолидации сельского сообщества.

Соседская забота

Соседская помощь в сельской местности оказывается основной и часто главной неформализованной помощью пожилым людям, когда не реализуются семейные формы заботы или речь не идет о сложном уходе, требующем профессиональных медицинских знаний. Отношения заботы складываются между соседями, как правило, на фоне многолетнего, часто многопоколенного знакомства, друж-

бы, близкого проживания, сопровождающегося богатым опытом коммуникаций, взаимной помощи по хозяйству и т.п. В ходе исследования нам без особого труда удалось найти в сельских поселениях случаи устойчивой долгосрочной помощи, оказываемой пожилым их более молодыми соседями. Информанты отмечали большую эмоциональную вовлеченность в отношения по уходу, особую связь со своими подопечными. В одних случаях соседское участие может полностью удовлетворять потребности пожилого человека, в других забота соседей комбинируется с помощью членов семьи, которые часто проживают в районных или областных центрах и приезжают на выходные.

Обеспечение привычного быта для пожилых

Диапазон вовлеченности соседей в помощь пожилым может быть широким, например, это ежедневное наблюдение за домохозяйством пожилого человека и определенными маркерами активности и хорошего самочувствия. В интервью нам рассказывали, как по определенным признакам соседи дистанционно могут судить о том, нуждается ли пожилой в помощи. Это может быть дым, идущий из трубы, свидетельствующий о том, что хозяин самостоятельно принес дрова, затопил печь. Настораживает, соответственно, отсутствие дыма в привычное утреннее время. Также о плохом самочувствии и необходимости навестить может оповещать специально вывешенная на окно косынка — условный знак, обозначающий просьбу зайти, проведать.

В отдельных случаях соседи могут соглашаться на сложный ежедневный уход за лежачими больными и помощь такого рода тоже может оказываться по-соседски неформально. Впрочем, такие случаи редки, можно сказать, исключительны, окрашены дополнительной мотивацией — например, идеей религиозного служения. Гораздо шире распространено оказание помощи пожилым, способным самостоятельно справляться, хотя бы частично, с задачами самообслуживания.

Круг задач, в решение которых вовлекаются соседи, касается организации быта и повседневности пожилых людей. Это приготовление пищи и помощь в приеме пищи, решение вопросов гигиены, контроль за состоянием здоровья, организация поездок в медучреждения или в церковь. Из-за неблагоустроенности многих домов в сельской местности возрастает количество потребностей, удовлетворение которых требует дополнительных ресурсов: подвоз продуктов из отдаленных магазинов, доставка баллонного газа, воды и дров, лекарств из аптеки из другого населенного пункта, уборка снега в зимнее время, работа в огороде и др.

Одна из наиболее актуальных проблем — закупка дров для отопления, приготовления пищи, подогрева воды. В сельской местности действуют субсидии, позволяющие получить некоторое количество дров по сниженной цене, но ее получение не предполагает оформление, привоз, подготовку для розжига. Соседи выступают в роли координаторов между пожилыми, ответственными органами и коммерческими подрядчиками.

Приготовление пищи часто происходит в доме помогающих соседей, где бытовые условия лучше, порция для подопечного выделяется из приготовленного для семьи. Сами пожилые также могут что-то готовить и угощать соседей, но возможностей у тех, кто нуждается в постоянном уходе, как правило, меньше.

Как отмечают информанты, повседневная помощь, несмотря на трудоемкость, необходимость ежедневного ухода, отсутствие формализации и потенциальный конфликт с другими семейными обязанностями, со временем принимает рутинизированный характер:

Привыкаешь к этому. Поначалу казалось, ты вырываешь из своей семьи время, и это не всегда нравится жене, нужно планировать что-то. А сейчас уже все привыкли, что каждый день тебе нужно обязательно, оно просто есть, у тебя время для этого есть. Уже жизнь так вот сложилась, что ты приходишь... Я утром с машины выхожу, первым делом я иду к ней [подопечной], чтобы сделать определенные дела, а потом иду домой. Так проще (Ухаживающий сосед_Поселение_2_ПК).

Соседские формы заботы позволяют сохранять пожилым привычный образ жизни и оставаться в собственном доме. Объемы помощи гибко подстраиваются под их нужды, хотя готовность соседей вовлекаться в практики сложного телесного ухода ограничена. Возможность проживания в собственном доме, как и вероятность закончить дни в родных стенах, высоко ценятся людьми.

Заботится тот, кто рядом

Экстренные ситуации в жизни пожилых людей не редкость. На соседей ложится большая ответственность, связанная с предотвращением критических состояний: нужно вовремя распознать необходимость медицинской помощи, порой самим оказать первую помощь, вызвать медиков, правильно описать симптомы, дожидаться приезда врача вместе с пациентом. Если такое случается, то огромное значение имеет близкое присутствие помощника, достаточно вовлеченного в жизнь пожилого человека, осведомленного о рисках здоровья, обладающего возможностью быстрого доступа к жилью. Согласно интервью, соседям приходится сталкиваться с подобным:

А он (другой сосед. — Прим.) мне говорит: «У бабушки рот набок повело». И я бегом сюда. Пришла, говорю ей. Она лежит, она не встает, как бы даже интерес к жизни потерян. Все, она помирать собралась, к [покойному мужу] своему идти, и все такое прочее. Я ей говорю: «Вставай! Вставай, — говорю. — Руки вверх, туда-сюда. Говори чего-нибудь». <...> Ну я звоню, кричу, так и так, человек, insult, давайте бегом, спасать надо, и все такое прочее. Ну вот один раз мы с тобой часа три ждали скорую. А в этот раз, я села на телефон <...> Всяко-разное начала. Ну раз insult, раз давление, раз это, они быстро приехали (Ухаживающая соседка_Поселение_3_ПК).

При наличии вовлеченных в заботу родственников, проживающих отдаленно, в экстренных случаях дополнительное участие человека, находящегося рядом с пожилым, нуждающимся в помощи, может оказаться решающим. Например, как в ситуации, описанной одним из интервью:

Вот она [мама] мне звонит, я работаю, веду занятия. Она: «Я упала, лежу на крыльце». Я говорю: «Мам, я не знаю, я сейчас быстро приехать в любом случае не могу». Я звоню Ларисе [соседке]. И вот она приехала на машине сразу же, чтобы быстрее было... И ей-то не перелезть тоже через забор, она нашла каких-то ребят-строителей, узбеки. Вот, они перелезли через забор и помогли ей подняться. Т.е. вот такое вот, очень к месту оказалось, что Лариса дома была (Ухаживающая дочь/соседка_Гатчина).

Оказание медицинской помощи соседями ограничено, как правило, только их собственной компетенцией и физическими возможностями, но определяющую роль играет дефицит инфраструктуры. Например, назначенные врачом инъекции предполагают, что у пожилого жителя сельской местности есть доступ к медицинским услугам, либо предлагается оформление коммерциализированных услуг медсестры со специальной лицензией. В подавляющем большинстве случаев ухаживающие соседи решают данную проблему самостоятельно.

В качестве важной и неотложной задачи, решаемой соседями, также можно назвать обеспечение безопасного и доверительного контакта пожилых людей с внешними акторами. Мошенничество, обман, вымогание денежных средств под разными предлогами широко распространены в сельской местности. Подобные действия могут совершаться как приезжими, так и местными жителями. Ослабленные институты контроля внутри сельских поселений и одиночество пожилых делает их крайне уязвимыми:

...Вот бабушку обчистили. Причем два раза. Вот она потом: «Илья, какая я дура. Как я...? Я все это слышала про эти дела. А все равно попалась». Два или три раза. <...> То пьяницы придут там какие-то к бабушке: «Бабушка, деньги давай!» — «У меня нету ничего!» Когда один живешь, тем более тут несколько на отшибе, конечно, будешь побаиваться (Ухаживающий сосед_Поселение_3_ГЛО).

Горизонт планирования соседской заботы достаточно узок: как правило, он ограничен ближайшим будущим. Очень часто информанты в интервью говорят об отсутствии плана на случай ухудшения физического состояния подопечных, когда потребуются оказание ухода в круглосуточной форме на постоянной основе, а значит — еще более интенсивная вовлеченность соседей, либо поиск альтернативных возможностей (например, перемещение подопечного в стационар). Соседи порой сами не уверены в своих возможностях обеспечивать уход в будущем:

Ой, не знаю, как-то мы про это даже не думаем. Мы только здоровья ей желаем. Может быть, просто придется нанимать сиделку. Просто, допустим,

круглосуточно, тоже как бы... Либо больше как-то вот уделять ей внимания, т. е. не два раза в день приходиться, а три раза. Не обсуждали, честно говоря. Даже не хотим об этом как-то думать (Ухаживающая соседка_Поселение_2_ТЛО).

Неоспоримым преимуществом соседей является их постоянное присутствие близко от пожилого человека. Помимо помощи с организацией быта они выполняют важнейшую функцию ежедневного присмотра, направленного на предотвращение критических ситуаций, либо на экстренное реагирование на них. Внимательные и заботящиеся члены семьи, способные обеспечить пожилого родственника всем необходимым, но проживающие при этом отдаленно, не могут компенсировать данную функцию без помощи соседей. Члены семьи заключают договоренности с соседями, знакомыми о присмотре и оказании экстренной помощи. Важным наблюдением в ходе исследования стало то, что заботящиеся соседи могут иметь своих пожилых родственников, которые проживают в других поселениях, и тоже нуждаются в присмотре. Так, можно предположить, что по мере ослабления семейных форм заботы о пожилых формируется сложная система взаимных договоренностей о присмотре, важнейшая роль в которой отводится тому, кто находится рядом и способен в экстренном режиме реагировать на возникающие проблемы.

Соседская забота и поиск эквивалентов реципрокности

В ходе исследования у нас не сложилось окончательного понимания того, на каких условиях сельские жители помогают своим пожилым соседям. Сам по себе вопрос о возможном вознаграждении воспринимался информантами достаточно напряженно. Тему получения наследства в будущем в обмен на помощь, оказываемую сейчас, стараются обходить, либо однозначно отрицать наличие подобных намерений:

Если думаете, что ухаживаем из-за жилья, не думайте, потому что с самого начала ее дом покупался не на нее, а на того, кому он достанется по наследству. Бывает, что люди всякое думают (Ухаживающая соседка_Поселение_3_ТЛО).

Возможность получения наследства — пусть даже лишь гипотетическая — вступает в противоречие с моральными правилами, бытующими в сельских сообществах, согласно которым помогать пожилым, причем помогать бескорыстно — это правильно. Часто информанты объясняют соседскую помощь в поселениях как взаимную, распределенную, опирающуюся на разделяемую систему ценностей или принципов, возникающую вследствие особой специфики отношений, которые устанавливаются в небольших сообществах. В них уже заложена идея реципрокности: помоги сейчас, и в будущем помогут тебе:

Ну люди нуждаются в помощи, мы помогаем. Может быть, кто-то найдет ся потом, кто придет, нам будет помогать (Ухаживающая соседка_Поселение_2_ТЛО).

Между тем вопрос вознаграждения не в будущем, а сразу после оказания помощи звучит как актуальный со стороны самих пожилых людей. По собственной инициативе они могут возмещать затраты сил и времени соседям натуральными продуктами: выращенными на собственном огороде овощами, вязаными изделиями, алкоголем. Монетарные формы вознаграждения также существуют, но размер и эквивалентность их чрезвычайно разнообразны. Это могут быть разовые платежи за определенные услуги, либо фиксированная сумма в месяц, установленная самим пожилым. Договоренности об оплате могут меняться с течением времени, как, например, в следующем случае:

Да я к ней спокойно ходил. Но надо сказать, естественно, я это бесплатно делал. Но уже, когда в последние полгода, вдруг она говорит, ну я уже ходил, практически каждый день, ей же тоже неудобно, что я тут хожу <...>. Она вдруг мне выкладывает эти... «Вот тебе, Ваня... Вот пенсию получила, вот тебе деньги». Я говорю: «Да с какой стати?» Я никогда деньги не брал. Но она, как-то решительно, я так понял, что ей проще будет заплатить мне, 2000 она мне стала давать с пенсии (Ухаживающий сосед_Поселение 3_ГЛО).

Самой женщиной были переосмыслены объемы помощи, получаемой от соседа. Очевидно, они были соотнесены с собственными ухудшениями здоровья и нарастанием немощи. Для ухаживающего соседа сумма оказалась незначительной, а сам факт оплаты необязательным, однако консенсусом стала ежемесячная фиксированная оплата, сложившаяся после долгих лет бесплатной помощи.

Поиск монетарных эквивалентов вознаграждения помощи или услуг соотносится с моральными нормами отношения к пожилым. Так, например, с них могут брать оплату за какие-то услуги или помощь, но меньшего размера, чем с более молодых. Если водитель зарабатывает извозом и соглашается отвезти куда-либо пожилого человека, то берет оплату, но «только за бензин».

Помимо неформальных и гибко компенсируемых договоренностей, в селах формируются и полностью коммерциализированные формы ухода, когда все параметры оказания помощи четко определены. Так, в одном из случаев, которые удалось наблюдать в ходе исследования, информанты — супружеская пара пожилых жителей с особыми потребностями, связанными с их физическим состоянием (потеря зрения, диабет, инсульт) — получают услуги по обеспечению быта на коммерческой основе с самостоятельно найденными нанятыми работниками. Размер оплаты таких услуг соотносится с возможностями и компетенциями ухаживающих. Стоимость услуг становится предметом обсуждений:

Она попросила за... Так, значит, дайте вспомню. За 4 часа, нет за 6 часов — 1000 рублей. Но я не знаю, как это в городе, говорят, что это мало. А по деревенским меркам это много. <...> Вот, потом я это поняла. Но она так

сказала, 150 рублей в час, она сказала и плюс, какие-то 100 рублей еще она причислила, ну вот, для ровного счета. Но мы тогда были, ну растеряны, не готовы. Мы тогда не готовы, мы не имели сведений о других. Но здесь таких и нету (Подопечная ухаживающей соседки_Поселение_2_ТЛО).

Фиксированная оплата, ориентированная на их среднерыночную стоимость, обуславливает высокие требования к качеству услуг. В интервью подопечная сетовала на то, что бывшая помощница не очень хорошо справлялась с устройством сельского быта: не умела топить печь, не очень хорошо мыла полы. Также объем выполняемой работы внимательно соотносится с оплатой и договоренностями:

Та женщина, она мыла и деда и меня. А Вера стесняется, поэтому дочка приезжает и моет его. Это просто лишняя нагрузка моей дочке (Подопечная ухаживающей соседки_Поселение_2_ТЛО).

Помощь нуждающимся в заботе все еще мыслится и в категориях межпоколенческой реципрокности, и в категориях традиционных символических обменов. Между тем данные исследования свидетельствуют о том, что в этой сфере идет поиск эквивалентностей вознаграждения за оказание помощи. Плата может осуществляться в монетарных или немонетарных формах, однако важно то, что предпочтение отдается неотсроченному вознаграждению, т. е. возможности так или иначе «расплатиться» за помощь здесь и сейчас. Причины этого можно усмотреть в том, что сельские сообщества испытывают нарастающий дефицит человеческих ресурсов, когда оказание помощи пожилым не гарантирует получение эквивалентной помощи от более молодых жителей села в будущем. Моральные конвенции, поощряющие бескорыстную помощь, сохраняют актуальность, однако и они начинают размываться и усложняться. Представление о том, что помощь и уход должны вознаграждаться — в том числе и в монетарной форме, — принимается и заботящимися, и самими пожилыми людьми. Стихийным образом в селе возникают коммерциализированные формы заботы, которые обретают черты управляемой услуги с фиксированным количеством часов, с договорным размером оплаты и соответствующими требованиями к качеству обслуживания.

Менеджеральная этика заботы в селе: социальная технология «Заботливый сосед»

Условия программы «Заботливый сосед»⁴

Мы рассматриваем введение программы «Заботливый сосед» как отдельный случай управляемой, контролируемой соседской заботы. Результаты исследования позволили обнаружить некоторые проблемы ее реализации. Причину их воз-

4. Регламентируется региональным Приказом от 2017 года в рамках реализации 442 ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации».

никновения мы интерпретируем как расхождения менеджериальной и общинной этики заботы. Мы выделяем три взаимосвязанные точки напряжения различающихся этик заботы, проявляющиеся при их объединении, которые между тем стимулируют появление новых вопросов к концептуализации заботы в селе.

Формализация участников: о ком и кому можно заботиться?

Случаи отношения между «заботливыми соседями» и их «подопечными», которые мы наблюдали в ходе исследования, представляют собой обычные для сельских сообществ соседские отношения. Эти отношения не возникли благодаря программе, наоборот, в программу оказались включены уже сложившиеся альянсы ухаживающего и подопечного, отношения между которыми насыщены многолетней межпоколенческой историей знакомства или дружбы. Информанты описывают такие взаимоотношения почти как семейные, родственные:

А как сюда приехали, тут вообще всё, как родные стали. Т.е. я ее дальних родственников всех знаю, они, когда приезжали сюда. Она моих всех родственников знает. <...> Все праздники все вместе, надо наготовить, пожалуйста. Мама моя, она очень такая, умела готовить, учила. Тетя Маша все-таки помоложе, моя мама постарше, все-таки разница у них в возрасте. Ну вот она [у мамы спрашивала] — «Александровна, как? Александровна, так?» Мама всё ей тоже помогала. Мама банки у меня умела ставить. Заболеет, она ей их там... Что Васе [покойный муж подопечной], что тете Маше. «Ой! Вася заболел, надо пойти там это». Ну не знаю, у нас как-то с первых дней вот так («Заботливая соседка»_ГЛО).

Участники программы говорят о том, что «формализация» вступления в отношения ухода и выхода из них фактически осуществляется только на бумаге. В реальной жизни помощь оказывалась до заключения договора с Центром социального обслуживания. По заявлениям информантов, выполняющих функции заботливых соседей, они готовы продолжать уход даже в случае выхода из программы: «Все равно я бы стала помогать, куда я денусь? Это уже все — пожизненно» («Заботливая соседка»_ГЛО).

Между тем, подписывая договор об участии в программе, «заботливые соседи» получают ряд правил, которым они должны соответствовать как ухаживающие и в соответствии с которыми они должны оказывать помощь. Строгость исполнения этих правил может зависеть от руководства местного КЦСОНа. В каких-то случаях строгость следования правилам превышает даже ожидания авторов-разработчиков программы. Так, например, некоторыми кураторами программы на местах буквально воспринято правило одного километра: место проживания ухаживающего соседа не может быть удалено от места проживания подопечного больше, чем на это расстояние. При этом в условиях сельской местности расстояние между населенными домами может превышать установленную норму

в три и более раз при наличии развитых и крепких соседских отношений. При соблюдении прочих условий это обстоятельство может становиться препятствием для заключения договора:

...мы же заводим «Личное дело» на каждого получателя, где есть перечень документов, в том числе мы вкладываем вырезку из «Яндекс.Карты», да, где километраж... А как мы потом проверяющему покажем о том, что этот человек проживает там? Мы смотрим, да, маршрут пешеходный, чтобы это было до 1000 метров. И в том числе ее вкладываем в личное дело, потому что это идет в порядке, и везде ограничения (Куратор программы «Заботливый сосед»_ГЛО).

При этом на уровне Комитета по защите населения Ленобласти, разработавшего программу, допускаются отступления от этого правила и признаются возможность гибких интерпретаций условий программы, закрепленных в Приказе, и проявления большей самостоятельности со стороны непосредственных исполнителей:

Поэтому, так как единичный случай, конечно, если человек будет проживать дальше, и доехать он сможет, и дойти он сможет, это, вообще, конечно, пожалуйста. Здесь я не вижу никаких препятствий. И наше учреждение зачастую отходит от правил. Это не настолько прям важно. Нам главное, чтобы помощник был все-таки здоров (Представитель Комитета по социальной защите населения Ленобласти).

Программа «Заботливый сосед» опирается на привычные практики соседских отношений и пытается их формализовать. Правила программы ориентируются на определение соседства по территориальному признаку, и соответствие этому определению становится предметом серьезного контроля. В этом можно усмотреть попытку авторов программы закрепить практику заботы о пожилых как повседневного приближенного присмотра. Между тем недооцененной оказывается специфика сельской социальности, для которой история многолетнего знакомства может быть важнее территориальной близости.

«Заботливый сосед»: помощник или профессионал?

Сотрудники и руководители Центров социального обслуживания, которые курируют работу программы на местах, оценивают ее как полезное нововведение. Акцент при этом делается на том, что программа разработана специально для отдаленных поселений, что подразумевает недостаток инфраструктуры, ресурсов (финансовых и других) и невозможность реализовать принципы менеджеральной заботы средствами, доступными в условиях городской среды.

В каждом из исследуемых районов есть проблема доступа к отдаленным поселениям, в которых затруднительно обеспечить услуги социального работника или сиделки. Программа «Заботливый сосед» предполагает частичное замещение

профессионального социального ухода за счет «общинного» ресурса — соседской помощи. Подготовка «заботливого соседа», освоение навыков, необходимых для оказания социальных сервисов становится важной в рамках менеджериальной этики. Со слов представителей регионального ответственного комитета, специалистами учреждения социального обслуживания проводится краткий инструктаж для соседей; также рекомендации по уходу соседи могут получить в Школах здоровья при Центрах социального обслуживания (при наличии таковых в районе). Вместе с тем часть компетенций «заботливые соседи», как и любые другие, получают из опыта внутрисемейного ухода, перенимают от родных и близких. Это подчеркивает «двойственный», неоднозначный характер менеджериальных процессов в сельской местности — внедрение механизмов фиксации и управления временем, с одной стороны, и опоры на существующие практики, навыки и договоренности — с другой.

Между тем к идее полного замещения соседями представители организаций социального обслуживания относятся с подозрением, особенно в отношении тех услуг, которые требуют «профессионального» понимания потребностей пожилых жителей, а также способности оказывать услуги, которые, как правило, входят в компетенции профессионального помощника по уходу — сиделки:

Это, крайне редко, но было несколько случаев, когда, к сожалению, предоставляя услуги, именно вот соседи, да они, естественно, из добрых побуждений оказывали те или иные услуги, но пропустили тот момент, когда была необходима именно профессиональная медицинская помощь, допустим, не был вовремя там вызван врач или терапевт на дом и т. д. И было немножечко подзапущено именно в части состояния здоровья, либо в той же самой гигиене. Ведь не каждый сосед может предоставлять гигиенические услуги, согласитесь, сменить памперс или еще что-либо в этом формате. Вот чтобы не доводить до каких-то таких нюансов, как пролежни и т. д., конечно, здесь должен работать тот человек, который данную работу выполняет, за которую он получает заработную плату, выполняет ее качественно и несет ответственность за то, что он делает (Представитель КЦСОНа_Петрозаводск).

Желание и готовность соседей взять социальный уход за неподопечными под полную ответственность проблематизируются и ставятся под вопрос. Соседи, не вовлеченные в программу и обладающие большими ресурсами, рассуждают о механизмах формализации помощи в категориях повышенной ответственности, избыточной отчетности и недостаточной компенсации за время и возможные последствия:

Всякое материальное вознаграждение, это ответственность. Это, ну я не знаю, как соцработник, он же отчитывается. Отчеты, волокита бумажная и все такое прочее. 2000 — ни о чем! А ответственности, и с тебя будут требовать. Так не то что я хочу или не хочу, я сделаю, я все равно это сделаю, но просто потому, что я это сделаю. Мне не хочется вот всего

этого. Нет, может, для кого-то это и актуально, чтобы там как-то, вот знаете — ухаживаю за больным, получаю его квартиру. Делаю то-то, получаю то-то (Ухаживающая соседка_Поселение_3_ПК).

Привлекательными условия участия в программе для местных жителей делают факторы, связанные с локацией функционирования программы — небольшие возможности для подработки в условиях сельской местности, необходимость совмещения работы с родительскими (материнскими) обязанностями, опасности разрыва в стаже:

Так я говорю, то что, в принципе, мне не трудно, а ей [подопечной Оксана Львовне] приятно, и мне хорошо. А сейчас, действительно, хоть какие-то деньги, но тоже зарплата. И она [дочь Оксаны] инициатором была. Она в газете это вычитала, потом по телевизору это видела. Она говорит: «Ты не хочешь попробовать? И стаж пойдет у тебя. Все равно с ребенком дома сидишь» («Заботливая соседка»_Варвара).

Информанты также отмечают важный символический эффект — фиксированная оплата избавляет от вопроса компенсации затрат на уход, что позитивно воспринимается и самими подопечными, и их родственниками (при их наличии и участии в процессе):

Единственное — бабе Нюте облегчение, потому что она знает, что я что-то получаю. Она не любит быть в долгу. Раньше положит на стол 100 рублей — ну что такое 100 рублей, что ты сейчас на них купишь? Не беришь, конечно. Меня они богаче не сделают. Теперь она знает, что я хоть что-то могу заработать («Заботливая соседка»_Надежда).

Программа обращается к традиционному общинному порядку сельского сообщества, в том числе к долгосрочным социальным связям и моральным межпоколенческим конвенциям. Исследование показывает, что они остаются сильны, могут влиять на принятие решений и даже на порядок вознаграждения за работу по программе⁵. Есть случаи, когда пожилые люди должны доплачивать за определенные услуги, и это может порождать недопонимание и чувство несправедливости у тех, для кого услуги являются платными. В одном из интервью куратор программы рассказывала о случае, когда «Заботливая соседка» сочла неудобным брать ежемесячно со своей подопечной 800 руб. за услуги и оплачивала эту сумму самостоятельно из своей зарплаты (размер зарплаты — порядка 5000 руб.). Такой пример показывает, что программа может не столько решать вопрос вознагражде-

5. Услуги по программе, так же как и услуги обычного социального работника, не для всех бесплатны. Пожилой человек, обладающий одним из таких подтвержденных статусов, как «труженик тыла», «житель блокадного Ленинграда», «ребенок войны», «несовершеннолетний узник фашизма», и рядом других социально-демографических характеристик, получает все услуги безвозмездно.

ния ухаживающего, сколько дополнительно проблематизировать границу между бескорыстной помощью и эксплуатацией морального чувства.

Можно сказать, что программа «Заботливый сосед» пытается нащупать свое место между существующей в сельском сообществе практикой помощи пожилым соседям и профессиональными стандартами социальной помощи. Программа реформирует добровольную помощь в оплачиваемую услугу. Вопросы вознаграждения, его достаточности, обоснованности и эквивалентности, которые возникают у участников программы, резонируют с кризисом межпоколенческой реципрокности, который наблюдается в сельских сообществах. Размер вознаграждения, предлагаемый за участие в программе «Заботливый сосед», явно недотягивает до рыночной стоимости соответствующих услуг. Мотивация участников подкрепляется правилами жизни в сельском сообществе, в том числе моральной ответственностью перед старшим поколением. Эти ресурсы выполняют важную компенсирующую функцию, без которой программа вряд ли смогла бы быть успешной.

Как «правильно» заботиться о ближнем?

В контексте данного вопроса проблематизируются попытки управления самими практиками заботы, зачастую складывающимися в «общине». Перечень услуг, которые может оказывать помощник, включает в себя бытовые (закупки, оплата услуг ЖКХ, услуги по стирке, уборке и гигиене, приготовлении и приеме пищи и т. д.), медицинские (мониторинг температуры, давления, контроль приема лекарств), психологические услуги (прогулка). Заработок помощника рассчитывается в соответствии с их объемом и составом.

Программа регламентирует также темпоральное измерение общинной заботы. Срок заключения договора ограничивается финансовым годом, после этого он должен продлеваться. Услуги предоставляются согласно индивидуальному графику, который определяет, в какие дни, в каком составе и объеме подопечный будет получать помощь. В целях контроля финансов и качества услуг помощник ежемесячно предоставляет отчет о проделанной работе и акт сдачи-приемки, подписанный получателем в организацию социального обслуживания. Также в качестве формы контроля могут осуществляться выезды представителей организаций на места.

Регламентация практик заботы в данном случае носит условный характер. Информанты отмечают, что в действительности спектр оказываемых услуг выходит за пределы предлагаемого перечня. В зависимости от своих возможностей «заботливые соседи» могут отвезти подопечных в магазин, чтобы те выбрали сами понравившиеся продукты, в медицинские учреждения, искать возможности и достигать договоренностей с окружающими для обустройства быта пожилых людей. Продолжительность услуг также может значительно превышать установленное перечнем время. Так, одна из информанток приводит пример: хотя в графике на разогрев пищи отводится 5 минут, но в действительности еда на газу не разогревается так быстро.

Учет расходов, времени оказанных услуг, в целом ведение отчетности не всеми «заботливыми соседями» воспринимается позитивно. Это то, что вторгается в рутину заботы, временные затраты на это воспринимаются как бессмысленные:

Ну вот, обучались мы с ней, она мне вот говорит: «Василиса Владимировна, вот эту писанину, вот планируем. Мне это не очень нравится. Я вот лучше ей там пойду что-нибудь полезное сделаю» (Директор отделения обслуживания на дому_ТЛО).

По договоренности с куратором от местного КЦСОНа отчетность может минимизироваться.

Менеджерская этика заботы, заложенная в программе «Заботливый сосед», опирается на нормы, отношения и этические принципы заботы, сложившиеся внутри общины. Она встраивается в сельское сообщество с его недостаточными ресурсами и устоявшимися практиками их компенсаций. Фактически помощь, оказываемая пожилым соседям в рамках программы, мало отличается от такой же помощи, оказываемой стихийно, «по велению души», как воспроизводство существующего порядка заботы о пожилых. Однако бюрократические требования к исполнению условий программы приносят новые смыслы и интерпретации в понимание заботы о пожилых. Забота возникает как профессиональная оплачиваемая услуга, подлежащая учету и контролю извне. Помощь, оказываемая соседями, плохо сочетается с официальными регламентами, выходит за их пределы. Между тем в практике помогающих и подопечных появляется учет километров, часов и минут, рублей и копеек, услуг, килограммов и пр. Менеджеризм, который интегрируется в практики помощи, позволяет деконструировать существующий порядок и увидеть пробелы и кризисы заботы о пожилых в сельских поселениях. В их числе кризис отложенной реципрокности, проблема сложного медикализированного ухода, острый запрос пожилых на общение с родственниками, которые не компенсируются соседской помощью.

Дискуссия и заключение

Попытка привнести в село элементы системы долговременного ухода в современной России совпадает с интенсивной трансформацией сельских сообществ. Сама по себе разработка такой программы, как «Заботливый сосед», говорит о том, что ресурсов села становится недостаточно для обеспечения гарантированной устойчивой заботы о тех, кто в ней нуждается.

Такие модернизационные процессы, как индивидуализация, коммерциализация, мобильность, происходят в селе по сравнению с городом медленнее. В современном российском селе сохраняется ресурс сообществ, проявляющийся в персонализированных взаимодействиях, практиках взаимопомощи, в моральной обусловленности социальных коммуникаций и взаимодействий. Неформальная забота о пожилых в сельском сообществе все еще опирается на устойчивые долго-

срочные социальные связи. Отношения соседства начинают играть в этой схеме важную роль. Даже если более молодые родственники существуют и вовлекаются в заботу дистанционно, остается нереализованным запрос на повседневную, приближенную заботу или «присмотр» за состоянием здоровья пожилого человека. Вследствие этого все более востребованной становится модель соседской или же семейной ассистированной помощи, в которую включены соседи и для которой актуально правило, согласно которому «заботится тот, кто рядом». Это правило широко применяется и обладает высоким потенциалом реципрокности.

На фоне трансформации села и сельского социума ресурс сообществ выхолащивается. Фамилистские формы заботы ослабевают. По мере оттока населения у остающихся в селах пожилых людей не остается близких родственников и просто более молодых людей, способных оказывать необходимую помощь и уход. Сменяемость населения нарушает гомогенность и герметичность сообществ, в которых многолетние межпоколенческие связи между односельчанами являлись важнейшим условием доверия, взаимопомощи, «социальных гарантий».

Программа «Заботливый сосед» опирается на ресурс общинной этики заботы как на основополагающий. Она ориентирована на формализацию уже сложившихся соседских отношений заботы. Именно устойчивые личные знакомства и репутация обеспечивают доверие между «заботящимися соседями» и их подопечными. Вместе с тем изучение программы в действии обнаруживает точки напряжения и кризисы, формирующиеся в сфере заботы о пожилых в селе — в том числе соседской. Действие программы способствует более отчетливому проявлению стихийно наметившихся менеджеральных черт заботы о пожилых в селе.

Этику заботы, которая формируется сегодня в селе, можно определить как *общинный менеджериализм*. Общинные нормы продолжают доминировать, но забота начинает пониматься как управляемая, небезвозмездная и нуждающаяся в координации услуга. *Общинный менеджериализм* представляет собой весьма позитивный вариант старения, сопровождаемого внеинституциональной, индивидуализированной, «теплой» заботой (Titmuss, 1959, 1968; Hochschild, 1995). Для пожилого человека сохраняется возможность проживания в привычных условиях с сохранением собственного пространства и агентности. Сложность видится в том, что оба компонента, составляющие конструкцию *общинного менеджериализма*, по отдельности не обладают достаточной устойчивостью, а объединение их вместе представляет собой компромиссный ответ нарастающим вызовам медико-социального обслуживания пожилого сельского населения.

Такие составляющие общинной этики заботы, как внимательное отношение к пожилым, реципрокность, сочувствие актуальны, но все они обнаруживают признаки кризиса и переходности. Сочетание менеджеральной этики с общинными правилами порождает важные моральные дилеммы соседской заботы, связанные с непремненностью и безусловностью оказания помощи, с эквивалентностями вознаграждения или с подотчетностью. Само сельское сообщество как устойчивое

и ресурсное социальное образование оказывается уязвимо. Менеджеральный же компонент в лице редких целевых социальных программ, привносимых в село извне, вряд ли может существовать самостоятельно, без опоры на ресурс местного сообщества.

Литература

- Барсукова С. (2004). Реципрокные взаимодействия: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. № 9. С. 20–29.
- Барсукова С. (2005). Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования // Социологические исследования. № 8. С. 34–45.
- Богданова Е. (2017). Граница между публичным и приватным в звуковом сообществе: исследование современного российского села // *Laboratoire: Russian Review of Social Research*. Т. 9. № 1. С. 4–29.
- Бредникова О. (2012). Деревня умерла? Да здравствует деревня! Еще раз к вопросу о различиях города и деревни // Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / О. Бредникова, Е. Богданова (ред.). СПб.: Алетейя. С. 28–59.
- Верховцев Д. (2015). Дарообмен в русской деревне: дар как депозит // Музей, традиция, этничность. Т. 1. № 7. С. 49–54.
- Виноградский В. (1999). «Орудия слабых»: неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. № 3/4. С. 36–48.
- Нефедова Т., Мкртчян Н. (2017). Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 5. С. 58–67.
- Позаненко А. (2018). «Отдельная типа республика»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. Т. 27. № 4. С. 31–55.
- Фадеева О. (2007). Хозяйственные уклады в современном российском селе // Социологические исследования. № 11. С. 64–69.
- Шанин Т. (ред.) (1999). Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос.
- Штейнберг И. (2002). К вопросу об определении сети социальной поддержки на селе // Рефлексивное крестьяноведение / Т. Шанин, А. Никулин, В. Данилов (ред.). М.: МВШСЭН, РОССПЭН. С. 275–283.
- Штейнберг И. (2004). Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. Т. 6. № 74. С. 52–57.
- Blackshaw T. (2014). *Key Concepts in Community Studies*. Sage.
- Botes A. (2000). A comparison between the ethics of justice and the ethics of care // *Journal of Advanced Nursing*. Vol. 32. № 5. P. 1071–1075.
- Dockray H. (2019). Self-care isn't enough. We need community care to thrive. Self-care alone can't heal communities // *Mashable*. <https://mashable.com/article/community-care-versus-self-care>.

- Gilligan C.* (1982). *In a different voice: Psychological theory and women's development.* Harvard: Harvard University Press.
- Held V.* (2006). *The Ethics of Care: Personal, Political, and Global.* Oxford New York: Oxford University Press.
- Hochschild A.* (1995). *The Culture of Politics: Traditional, Postmodern, Cold-modern, and Warm-modern Ideals of Care // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society.* Vol. 2. №3. P. 331–346.
- Luhmann N.* (2000). *Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations / D. Gambetta (ed.).* Oxford: Oxford University Press. P. 94–107.
- Meagher G., Parton N.* (2004). *Modernising Social Work and the Ethics of Care // Social Work & Society.* Vol. 2. № 1. P. 10–27.
- Titmuss R.* (1959). *Community Care as Challenge // The Times.* 12 May. P. 11.
- Titmuss R.* (1968). *Community Care: Fact or Fiction? // Commitment to Welfare / R. Titmuss (ed.).* London: Allen and Unwin. P. 221–225.
- Toennies F.* ([1887] 2017). *Community and Society.* London: Routledge.

Ethics of Neighborly Care for the Elderly in the Russian Village: Towards Community Managerialism⁶

Elena A. Bogdanova

Associate Professor, European University at St. Petersburg / Leading researcher at the Center for Public Health Studies, Sechenov University.

Address: Gagarinskaia st., 6/1A, St. Petersburg, 191187 Russian Federation

E-mail: bogdanova.nova@gmail.com

Konstantin A. Galkin

Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — branch of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Address: 7th Krasnoarmeiskaia st., 25/14, St. Petersburg, 190005, Russian Federation

E-mail: kgalkin1989@mail.ru

Aliia N. Nizamova

Researcher, European University at St. Petersburg / Researcher at the Center for Public Health Studies, Sechenov University.

Address: Gagarinskaia st., 6/1A, St. Petersburg, 191187 Russian Federation

E-mail: anizamova@eu.spb.ru

Helping the elderly people living nearby is a common practice in the Russian countryside. The article presents a study of the experimental social program “Caring Neighbor”, which reforms voluntary neighbor assistance into a formalized paid social service provided under a contract. In this way, neighborhood assistance becomes part of the long-term care system. Theoretically, the article is based on the concept of the ethics of care proposed by Carol Gilligan. Whether the new social program introduces features of managerial ethics into the relationship of neighborly care

6. The authors of the article express their gratitude to the Elena and Gennady Timchenko Charitable Foundation for supporting this study (Donation Agreement No. 275-1/02) and for their systematic contribution to the study and development of local communities.

for the elderly in the rural community is the main question of the article. The study, implemented in rural settlements of the Republic of Karelia and the Leningrad Region in 2020-2021, includes a series of case studies of neighborly care, carried out informally and as part of the "Caring Neighbor" program (number of cases = 16), alongside 20 expert interviews. The article concludes that the ethics of caring for the elderly which is being formed now in the Russian village can be defined as *community managerialism*. Community norms still dominate, but caring about the elderly people is beginning to be understood as a managed, non-gratuitous activity that needs to be coordinated.

Keywords: Ethics of care, Community managerialism, Rural community, "Caring Neighbor" social program, Long-term care system

References

- Barsukova S. (2004) Reciproknye vzaimodejstviya: Sushhnost', funkcii, specifika [Reciprocal Interactions: Essence, Functions, and Peculiarities]. *Sociological Studies*, no 9, pp. 20–29.
- Barsukova S. (2005) Setevye obmeny rossijskikh domohozjajstv: opyt jempiricheskogo issledovanija [Network Exchanges between Russian Households: Account of Empirical Research]. *Sociological Studies*, no 8, pp. 34–45.
- Blackshaw T. (2014) *Key Concepts in Community Studies*, Sage.
- Bogdanova E. (2017) Granitsa mezhdru publicnym i privatnym v zvukovom soobshchestve: issledovanie sovremennogo rossijskogo sela [The Border Between Public and Private in Sound Community: A Study of Contemporary Russian Village]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 9, no 1, pp. 4–29.
- Botes A. (2000) A comparison between the ethics of justice and the ethics of care. *Journal of Advanced Nursing*, vol. 32, no 5, pp. 1071–1075.
- Brednikova O. (2012) Derevnia umerla? Da zdravstvuet derevnia! Eshche raz k voprosu o razlichiih goroda i derevni [Is the village dead? Long live the village! Once again on the issue of differences between the city and the village].. *Vdali ot gorodov. Zhizn' postsovetskoi derevni* [Far from the cities. Life in the post-Soviet village] (O. Brednikova, E. Bogdanova red.), Sankt-Peterburg: Aletejya, pp. 28–59.
- Dockray H. (2019) Self-care isn't enough. We need community care to thrive. Self-care alone can't heal communities. *Mashable* (<https://mashable.com/article/community-care-versus-self-care>).
- Fadeeva O. (2007) Hozyaistvennye układy v sovremennom rossijskom sele [Economic structures in the modern Russian village]. *Sociologicheskie issledovaniia*, no 11, pp. 64–69.
- Gilligan C. (1982) *In a different voice: Psychological theory and women's development*, Harvard: Harvard University Press.
- Held V. (2006) *The Ethics of Care: Personal, Political, and Global*, Oxford New York: Oxford University Press.
- Hochschild A. (1995) The Culture of Politics: Traditional, Postmodern, Cold-modern, and Warm-modern Ideals of Care. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, vol. 2, no 3, pp. 331–346.
- Luhmann N. (2000) Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives. Gambetta D. (ed.) *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*, Oxford: Oxford University Press, pp. 94–107.
- Meagher G., Parton N. (2004) Modernising Social Work and the Ethics of Care. *Social Work & Society*, vol. 2, no 1, pp. 10–27.
- Nefedova T., Mkrtychyan N. (2017) Migratsiya sel'skogo naseleniia i dinamika sel'skohoziastvennoi zaniatosti v regionah Rossii [Migration of rural population and dynamics of agricultural employment in the regions of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*, pp. 58–67.
- Pozanenko A. (2018) «Otdel'naia tipa respublikhka»: strukturnye osobennosti prostranstvenno izolirovannykh lokal'nykh sel'skikh soobshchestv ["A Kinda Separate Little Republic": Structural Specifics of Spatially Isolated Local Rural Communities]. *Mir Rossii*. Vol. 27, no 4, pp. 31–55.
- Shanin T. (red.) (1999) *Neformal'naiia ekonomika: Rossiya i mir* [Informal Economy: Russia and the World], Moscow: Logos.

- Shteinberg I. (2002) K voprosu ob opredelenii seti sotsial'noi podderzhki na sele [On the issue of defining the social support network in rural areas]. *Refleksivnoe krest'ianovedenie* [Reflexive Peasant Studies], (T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov (red.), Moscow: MSSES, ROSSPEN, pp. 275–283.
- Shteinberg I. (2004) Psihologiya neekvivalentnykh obmenov v setyah social'noi podderzhki gorodskikh i sel'skikh semei [Psychology of Nonequivalent Exchanges in Social Support Networks of Urban and Rural Families]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii*, vol. 6, no 74, pp. 52–57.
- Titmuss R. (1959) Community Care as Challenge. *The Times*, 12 May, p. 11.
- Titmuss R. (1968) Community Care: Fact or Fiction? *Commitment to Welfare* (R. Titmuss (ed.), London: Allen and Unwin, pp. 221–225.
- Toennies F. ([1887] 2017) *Community and Society*, London: Routledge.
- Verhovtsev D. (2015) Daroobmen v russkoi derevne: dar kak deposit [Gift exchange in the Russian village: a gift as a deposit]. *Muzej, tradiciya, etnichnost'*, no 1(7), pp. 49–54.
- Vinogradskii V. (1999) «Orudija slabykh»: neformal'naiia ekonomika krest'ianskikh domohoziaistv [“Tools of the Weak”: The Informal Economy of Peasant Households]. *Sociologicheskii zhurnal*, no 3/4, pp. 36–48.